

Человек уходит – песня остаётся

ПЕРЕЧИТЫВАЯ публикации Ямиля Галимовича Сафиуллина в «Казанском альманахе», невольно задаёшься вопросом: «Почему он не печатался раньше? Почему скрывал от нас, своих учеников и коллег, тягу к творчеству, не только научному – художественному?»

Творчество, идёт ли речь об искусстве, науке, общественной деятельности, всегда сопряжено с самоотдачей. Для Ямиля Галимовича это было аксиомой. Как и трепетное, ответственное отношение к слову, которое было одним из его главных качеств.

За три недели до своего ухода он звонил мне из больницы. По голосу было понятно, что ему тяжело говорить. Коротко ответив на расспросы о самочувствии, он заговорил о своей новой статье о поэте Бабиче, подготовленной для «Казанского альманаха». Ямиль Галимович просил по возможности опубликовать её без редакторских правок. Он болезненно относился к вмешательству в свои тексты. Мастер публичных выступлений, Ямиль Галимович строил их как живую, обращённую к своим слушателям речь. В своих публикациях в «Казанском альманахе» он постоянно обращается к своему «дорогому», «любимому», «вдумчивому» читателю, и это не просто риторический приём. Он расстраивался, если его выступление

на конференции или «круглом столе» не становилось поводом для дискуссии, впрочем, я не припоминаю таких случаев. Не помню я и выступлений Ямиля Галимовича по мелким, частным вопросам. Темы, наподобие «Образ чего-нибудь в творчестве кого-нибудь», могли заинтересовать его лишь в том случае, если предполагали выход к волнующим его научным проблемам.

В последние годы он увлёкся творчеством Шаехзаде Бабича. Первая его статья о Бабиче – «Революцией рождённый и убитый» – появилась в «Казанском альманахе» в мае 2019 года. Здесь же – отдельные переводы из Бабича. Это первые опубликованные переводы Ямиля Галимовича с татарского (возможно, в личном архиве писателя найдутся и неопубликованные). Проблема перевода была ему интересна. Он давал студентам и аспирантам темы по переводу русской поэзии на татарский язык. Под его руководством были защищены две кандидатские диссертации по татарским переводам А. С. Пушкина и В. В. Маяковского. Во многом благодаря его поддержке Э. Нигматуллиним был издан указатель татарских переводов произведений русских писателей. Что касается переводов с татарского, то Ямиль Галимович имел в этом вопросе особое мнение. Он не отрицал таланта

известных переводчиков – С. Липкина, А. Ахматовой, А. Тарковского и др., переводивших Г. Тукая, М. Джалиля, С. Хакима. Но при этом его не удовлетворяло то, что в их переводах татарские поэты говорят сплошь ямбами, хорейми, дактилями, анапестами. Его переводческие опыты – попытка преодолеть навязываемые татарскому языку ритмы русской поэзии. Об этом он сам пишет в своем послесловии к переводам Бабича. Разделяя идею непереводаемости (в первую очередь – применительно к поэзии), Ямил Галимович полагал, что непереводаемость – источник множественности переводов. Стихи, писал он, «имеют столько же содержания, сколько раз переводятся и читаются».

Я помню, с каким воодушевлением Ямил Галимович рассказывал о презентации выпуска «КА» с его статьёй о Бабиче и переводами. Поддержка и высокая оценка авторов журнала, среди которых – известные в татарском мире личности, вдохновила его на продолжение работы над этой темой.

Статья, которую вы только что прочитали, одна из самых больших в творчестве Сафиуллина. В ней вдумчивый читатель увидит не только оригинальный взгляд на творчество Бабича, но и характерный для Ямиля Галимовича как мыслителя взгляд на национальную литературу.

Нам, своим ученикам, Ямил Галимович прививал мысль о том, что ключом к пониманию литературного произведения, творчества какого-либо автора, национальной литературы является их сопоставление с другими инонациональными произведениями, авторами, литературами. Поэзию Бабича Ямил Галимович включает в самые разные ряды сопоставления, начиная от русских акмеистов и У. Уитмена и заканчивая философией суфизма, которая, в конечном счёте, становится основным контекстом к прочтению Бабича. Татаро-башкирский поэт оказывается погружённым в пространство мировой культуры, в котором автор статьи находит разнообразные точки притяже-

ния и отталкивания с его творчеством: акмеисты, поэты-суфии, Ф. Тютчев, А. Блок, Ибн Араби, Франциск Ассизский... Возможно, кому-то эти сопоставления покажутся субъективными, лишёнными строгих научных оснований. Но в этом и состояла одна из особенностей научного мышления Ямиля Галимовича. Это мысль, устремленная в будущее, светом которого высвечиваются устоявшиеся понятия, обнаруживаются новые смысловые перспективы в них. Прозвучавшее в конце статьи о Бабиче признание о нехватке слов для передачи смысла отдельных её образов и концептов, сказано искренне. Ямил Галимович был убеждён, что принятые в литературной теории термины и определения не вмещают или порой искажают суть изучаемого явления. Отсюда и столь характерное для него стремление к обновлению словаря науки, введению новых терминов или открытию новых смысловых горизонтов в устоявшихся терминах и понятиях. Так, в одном из своих выступлений он уподобил состояние пребывающих в собственной идентичности национальных литератур *монадам без окон и дверей*. Запомнился и другой его термин – *нелетература* (как результат непереводаемости).

Терминотворчество Ямиля Галимовича проистекало не от его стремления снискать репутацию оригинально мыслящего учёного. Каждый из предлагаемых и обосновываемых им терминов – результат многолетних напряжённых раздумий, которые он не спешил обнародовать в форме научных публикаций.

Я и мои коллеги, ученики Ямиля Галимовича, с ностальгией вспоминаем выступления учителя на итоговых конференциях в Казанском университете. Для нас они были СОБЫТИЕМ именно благодаря его докладам, к которым он тщательно готовился. Эти выступления по сегодняшним меркам были очень продолжительными по времени – полтора, а то и два часа. Но никого из нас они не утомляли, напротив, мы в шутку говорили, что готовы пожертвовать своими докладами в его пользу.

Публичные выступления Ямиля Галимовича, будь то доклады на научных конференциях, круглых столах, лекции в студенческой аудитории, запоминались не только тем, что он говорил, но и тем, как он говорил. Я не имею в виду приёмы ораторского мастерства, которыми он, безусловно, владел. Каждый раз, слушая его, я ловил себя на мысли, что многое, о чём он говорил – мысли, идеи – рождалось в процессе его размышлений. Он был сторонником знаний, приобретаемых в процессе раздумий, рефлексий, ценил это качество в студентах. И нас, своих учеников, он приучал избегать односторонних, схоластических суждений, учил видеть мир в его многомерности, множественности.

Понятие множественности (литератур, языков, культур) во многом определяло его взгляд на мир. В 2017 году, готовясь к выступлению на конференции, посвящённой 130-летию Г. Ибрагимова, я поделился с ним мыслями о предстоящем докладе. Ямиль Галимович сказал, что работает над статьёй об алфавитах для «КА» («Бирюза», 2017). Ему была близка позиция представителей татарской интеллигенции (в числе которых был и Г. Ибрагимов), которые в 1920-е годы выступали против унификации алфавитов. Об этом он пишет и в своей статье. Но вдумчивый читатель увидит в ней и другое: взгляд автора устремлён одновременно из настоящего и в прошлое, и в будущее. Последнее неизвестно, ибо «история непредсказуема» (этой фразой Ямиль Галимович заканчивает свою статью об алфавитах). Это принципиальная для него позиция. Утверждением о непредсказуемости будущего, невозможности рационалистически спрогнозировать судьбы отдельных явлений культуры он часто завершал свои выступления и статьи. С чем это связано?

Как учёный Ямиль Галимович был противником знаний, выводимых исключительно рационалистическим путём. Его взор был устремлён к иным формам познания, преодолевающим узость *ratio*. Поэтому в литературе, искусстве, фило-

софии он всегда интересовался личностями, в мыслях и идеях которых обнаруживался выход за пределы устоявшегося, традиционного. Таким для него, например, был П. Чаадаев, философию которого Сафиуллин сближает с неевклидовой геометрией Н. Лобачевского («КА», «Гранат», 2017). Из европейских философов и учёных – Платон, В. Гумбольдт, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж. Делез, Ж. Деррида. Из русских – Н. Бердяев, Н. Трубецкой, М. Бахтин, М. Мамардашвили, А. Михайлов. Его интересовала восточная философия, суфизм.

В числе последних прижизненных публикаций Ямиля Галимовича – статьи, посвящённые понятию «национальная литература». Сейчас трудно сказать, когда у него зародился интерес к этой теме. Возможно, ещё в период работы над кандидатской диссертацией. Ученик одного из известных советских теоретиков литературы Николая Гуляева, Ямиль Галимович в 1969 году защитил под его руководством диссертацию «Н. А. Полевой как теоретик романтизма». Известно, что теоретически осознанной темой «национальная литература» становится именно в эпоху романтизма начала XIX века.

Думаю, что определённую роль в его увлечении «национальной литературой» сыграла Казань, город, в котором на протяжении многих столетий сосуществуют во взаимодействии разные национальные культуры. Трудно предположить, как сложилась бы судьба Ямиля Галимовича как учёного, если бы он, защитив диссертацию, отправился за своим руководителем в Тверь (в те годы – Калинин). В одном из разговоров учитель сказал мне, что Н. А. Гуляев, в начале 1970-х годов возглавивший кафедру зарубежной литературы Калининского университета, звал его и ещё несколько талантливых учеников с собой.

Ямиль Галимович мало рассказывал о своём детстве, отроческих годах, родителях. Об этом периоде своей жизни он пишет в воспоминании-эссе «Ева на пашне» («КА», «Лунный камень», 2020). Внимательный читатель обратит вни-

мание на лирический фрагмент, в котором автор размышляет о завораживающей повествователя татарской песне. Музыка, музыкальное в литературе и жизни были интересны ему. С его подачи в коллективную монографию по сопоставительной поэтике русской и татарской литератур (Ямил Галимович – её идейный вдохновитель) был включён раздел «Музыкальное». И в своей последней статье он пишет о музыкальности поэзии Ш. Бабича. Истоки её учёный видит в суфизме, мусульманской традиции чтения Корана нараспев, музыкальной культуре татар и башкир, повлиявших на поэтику стихотворений Бабича. Последнее заслуживает внимания: для автора статьи Бабич – «поэт двух литератур: татарской и башкирской». С этой точки зрения он ставит его в один ряд с такими писателями, как Л. Стерн, Д. Джойс, Б. Шоу, Н. Гоголь, чья литературная идентичность так же, как у Бабича, была двойственной. Вопрос о том, чего больше в Бабиче-поэте – татарского или башкирского – был для Ямиля Галимовича бессмыслен. Он всегда выступал против любых попыток утвердить монополию на творчество таких писателей со стороны отдельных ревнителей национальной литературы.

В понимании отношений между национальными литературами Ямил Галимович исходил из идеи их равноправия. Для него не было литератур ведущих и ведомых, он не соизмерял национальные литературы по их вкладу в сокровищницу мировой культуры. Наиболее естественной формой отношений между литературами учёный признавал диалог, в котором каждая литература раскрывается в своей собственной идентичности.

Ещё одна черта, отличающая учителя, – щедрость. Он без сожаления делился своими идеями, дарил их своим ученикам, искренне радовался их успехам. При этом он был противником научного эпигонства, считал, что исследователь должен искать свой путь в науке.

На одной из конференций друг Ямиля Галимовича, профессор Чувашского госуниверситета Виталий Родионов подарил ему библиографию своих трудов. Полистав её, Ямил Галимович в шутку сказал, что, если его собственные труды собрать в одну книгу, то она по объёму будет как подаренная библиография. Это было произнесено с юмором – Ямил Галимович обладал этим чувством, его шутки никогда не были скабрёзными, они не ставили окружающих в неловкое положение, напротив, зачастую разряжали конфликтные ситуации. Вспоминается история пятнадцатилетней давности. Человек по натуре скромный, Ямил Галимович не любил повышенного внимания к себе. Не помню, чтобы он праздновал на работе свои дни рождения, юбилеи. В эти дни он имел обыкновение «исчезать» – поздравить его воочию было невозможно. Помню, как спустя некоторое время после такого юбилея, мы обсуждали его кандидатуру в связи с очередным прохождением по конкурсу. Коллеги, ученики говорили тёплые слова, которые, возможно, могли показаться ему немногим пафосными. Поблагодарив всех, Ямил Галимович переключил этот высокий регистр на юмористический: «Коллеги, если бы я знал, сколько хороших слов вы обо мне скажете, то я бы непременно отметил свой юбилей».

В последнем непродолжительном телефонном разговоре Ямил Галимович говорил о своём сочинении о национальных литературах. Мы, его ученики, коллеги, знали, что он работает над ним, ожидали скорого завершения этого труда, думали, как помочь его опубликовать. Слова Ямиля Галимовича звучали как завещание.

У татарского писателя Мухаммата Магдеева есть повесть «Кеше китэ – жыры кала» («Человек уходит – его песня остаётся»). Название её стало крылатым в татарской культуре. Ямил Галимович, учитель, коллега, друг, отец, муж, брат, ушёл – память о нём, его труды, идеи остались с нами.